

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК

Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ V

ЛЕНИНГРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1980

Отражение быта современной арабской женщины в новелле

14 декабря 1849 г. в Бейруте на заседании I Научного сирийского общества впервые был затронут вопрос о положении арабской женщины. По просьбе президиума этого общества покойный Бутрус-аль-Бустани на открытом собрании сделал доклад об арабской женщине, в частности о сирийке. Описав вкратце отсталость арабской нации, он указал, как на одну из главных причин ее, на порабощение женщины. Совершенно неграмотная, зараженная предрассудками, арабская женщина, как мать и няня, ничего хорошего не может дать детям. Требуя всестороннего образования для женщины, он все же ставил непременным условием признание женщиной главенства мужчины.¹

Его доклад, как и выступление Муркуса Феми в Египте в 1894 г. не имели реальных результатов, так как оба были христианами, и их мнения в то время ничего не значили для арабского мусульманского мира.² Правда, как в Сирии, так и в Египте выделялись отдельные женщины, как Айша Теймур и Уарда Языжи, но их известность была чисто литературная. Их деятельность дальше литературного мира не шла и на положение женщины-арабки не повлияла.

Главное движение началось с тех пор, как громко раздался голос Касима Амина, призывавшего к снятию покрывала и к раскрепощению женщины. Его призыв вызвал ожесточенную полемику не только

¹ См. الروائع № 22 تالیف فواد البستاني стр. 21. Бейрут, 1929 г.

² Предисловие к переводу «Новая женщина» И. Ю. Крачковского, СПб. 1912 г., стр. IV.

в арабском, но и во всем мусульманском мире.¹ С тех пор много изменилось в положении арабской женщины.

Как возрождение современной арабской литературы, так и женское движение могут считать своей колыбелью Сирию. В Сирии можно указать на таких женщин, которые имеют пятидесятилетний педагогический стаж, как Марьям Жагшаң, или 25 лет литературно-педагогической работы, как Мари 'Ажами, которую чествовала бейрутская общественность в день ее юбилея в апреле 1926 г.² Замечу, что эта деятельница получила свое начальное образование в русских школах бывшего Палестинского общества и впоследствии учительствовала в них одно время в Дамаске. После войны она открыла национальную школу в Бейруте, но вследствие преследований со стороны французских властей, она перевела свою школу в Палестину в город 'Акку.

В настоящее время наибольшей известностью пользуется Назек 'Абед. Она играла и играет большую политико-общественную роль в стране. Это первая сирийка-мусульманка, выступившая на политическую арену. Ее отец, будучи сослан из Дамаска в Смирну во время турецкого владычества, увез с собою туда и семью. В Смирне Назек окончила женскую американскую школу. Ее деятельность началась при вступлении национальных войск во главе с эмиром Файсалом, нынешним королем Ирака, в Дамаск. Она организовала отряд красной звезды, который сопровождал действующие отряды, за что получила чин почетного военного начальника отряда. Назек энергично агитировала среди арабских племен Заиорданья во время оккупации Сирии французами. Когда Назек вернулась в Дамаск, она была все время под надзором полиции, а в 1922 г. была сослана в имение ее отца в «Бейт Наим»³ за участие в демонстрации против французов.⁴ Из этой ссылки ей удалось вырваться и переехать в Палестину, откуда она продолжала борьбу против оккупационной власти. Недавно я прочла в одном номере газеты «Алеф-Ба» отзыв о ней самих сириек, которые находятся в эмиграции

¹ Биография и деятельность Касима Амина, как и женское движение до 1912 г. изложено в предисловии к переводу «Новой женщины» И. Ю. Крачковским.

² Биография Мари 'Ажами, изданная Журжи Баз *مارى عجمى بقلم جرجى نقولا* باز تذكاراً ليوبيلها. مطبعة صادر بيروت سنة 1926

³ «Бейт Наим» деревушка недалеко от Дамаска.

⁴ Биография ее издана отдельной брошюрой Журжи Баз *بيروت مطبعة السلام* سنة 1927

в Америке. В отзыве сказано между прочим: «если бы таких деятельниц было десять человек в Сирии, то женщина вместо ада очутилась бы в раю». Фраза, несомненно, упрощает действительность, но тем не менее указывает на крупную роль Назек.

В Сирии почти в каждом городе имеется женское общество. Деятельность этих обществ давно уже перешла за пределы благотворительности. Они уже требуют для себя различных прав и участвуют в некоторых проявлениях политической жизни страны. В сентябре этого года из Бейрута в Дамаск поехала делегация для возложения венков на могилу крупного общественного сирийского деятеля Аль-Газзи.¹ Его смерть таинственна. Он проживал в Бейруте под политическим надзором, как бы в ссылке, за борьбу против исключения из сирийской конституции тех знаменитых пунктов, из-за которых до сих пор борются сирийцы с оккупационной властью.

Несмотря на то, что Палестина до войны находилась в одинаковых условиях с Сирией, в ней женщина продолжала спать до сих пор. Даже мировая война и английская оккупация мало что изменили в ее жизни. Лишь последние события в Палестине, когда была пролита кровь невинных на улицах, женщину всколыхнули. Английские власти не позволили ей выйти на демонстрацию пешком. Женщины вышли в 50 автомобилях на улицы Иерусалима, посетили верховного комиссара Палестины и требовали аннулирования ноты Бальфура, навлекшей несчастье на палестинских арабов. И в первый раз 28 октября сего года был всепалестинский женский съезд в Иерусалиме. В нем приняли участие около 300 женщин.² В постановлениях съезда было, между прочим, решение принимать участие в будущих женских съездах в Сирии и бойкотировать товары сионистов. Последнее должно сыграть главную роль в экономической борьбе с сионистами, так как до сих пор они сбывали туземцам обыкновенно отвратительные колониальные товары, на которых страшно наживались.

Аналогичная с палестинской причина вызвала и египтянку на уличную демонстрацию. В 1919 г., когда египтяне, доведенные до крайности жестокостями и произволом англичан, восстали, когда полилась кровь на улицах Каира, египетские женщины вышли на улицу. Голос молодежи и ее кровь призвали египтянку к жизни. Пешая демонстрация была запрещена англичанами, и они поехали в экипажах. Общественность их встретила

¹ الف باء في ٢١ ايلول سنة ١٩٢٩

² جريدة فلسطين في ٩ تشرين الاول

аплодисментами. Однако женское движение в Египте, хотя и началось позже, чем в Сирии, развивалось интенсивнее. В Египте уже не спорят о законности снятия покрывала, как это делается до сих пор в Сирии. Официально египтянка сбросила чадру в марте 1927 г. Тогда во главе с душой движения, Худа Ша'рави, женщины устроили благотворительный базар в Каире, куда вышли торговать без покрывала.¹ Этим они закрепили за собой право снять его. В чадре в Египте ходят и сейчас, но только в угоду желаниям отсталой части населения. Беднота же и крестьянки чадру не носят.

В Египте можно указать на много крупных женских фигур, как в литературном, так и в общественно-политическом мире. Самой крупной фигурой, не только среди женщин, но вообще в современном литературном мире, считается Мейй (Марьям Зияде). Ее книга *باحثة البادية*, напечатанная в 1920 г., является одной из лучших историко-литературных монографий в области новоарабской литературы.² В этой книге она дает верную оценку и характеристику деятельности как Касима Амина, так и Малек Хифны Насыф, по женскому вопросу. Малек Хифны писала под псевдонимом *باحثة البادية* — «Исследовательница в пустыне». Ее книга *النسائيات* — «Женщины» состоит из ряда статей по женскому и педагогическому вопросам. Каждой стороне жизни мусульманки посвящается отдельная статья. Но в своих требованиях она умеренна. По этому вопросу Мейй пишет: «Исследовательница в пустыне» вносит реформы как женщина, а женщина больше держится за старое, а Касим Амин вносит реформы как мужчина, т. е. всегда смотрит вперед. Она идет осторожно между разветвлениями новых мыслей и идей, и всякий раз как ступит шаг вперед, оборачивается назад, чтобы убедиться, что она идет по тому пути, который связывает прошлое с будущим».³

Малек отрицает, что она является якобы последовательницей Касима Амина и в своем ответе на стихи Шауки она говорит: «Иногда ты мне приписываешь идеи Касима и Абу Али; этим показываешь, горе тебе, что я не забочусь о своем добром имени...»⁴

1 الهلال نيسان سنة 1927 صفحة 304.

2 См. предисловие И. Ю. Крачковского к «Образцам ново-арабской литературы» Оде-Васильевой, стр. XX. Лгр. 1928 г.

3 *باحثة البادية بقلم الانسة ميّ* سنة 1920, стр. 125.

4 Там же, стр. 112.

Хотя Мейй и пишет, что Малек не была справедлива к Касиму Амину, а потому отмежевывается от него, но я думаю, что тут, кроме того, есть доля предосторожности, а может быть и самолюбия. Ведь в то время Касима Амина преследовали за его идеи. Вспомним, что он умер почти одиноким, если не считать горсточку его друзей, как Вали ад-дин Йекун. Касим Амин был признан лишь после смерти.

На общественной арене самая крупная фигура Худа Ша'рави. Она в 1920 г. участвовала в международном женском конгрессе в Риме. Тогда она и сняла покрывало. Она стоит во главе «Женского объединения», основанного в 1924 г. в Каире. Это общество борется за свои гражданские и политические права. Под его давлением был издан закон о непрерывном участии гражданского судьи при разводах. Борьба с многоженством является одной из главных задач. Оно добилося также уравниения женщины в получении образования, и в этом году в египетский университет поступили три египтянки. Главная деятельность Ша'рави обращена на усиление национальной промышленности. Она основала ковровую и посудную фабрики. Для руководства последней она командировала одного египтянина во Францию, где он изучал керамику, а потом вернулся для работы.¹

На политическом поприще можно указать на Софи Заглюль, жену покойного египетского вождя Са'ада Заглюль. Ее после смерти мужа стали называть *ام المصريين* — «мать египтян». Во время ссылки мужа на Гибралтар в 1919 г., она поехала за ним, и с тех пор активно участвует в политической жизни страны. Она член партии Уафд. К этой партии относятся Мунира Табет, Роза-ль-Юсеф, Набавие Муса и др. Обе первые издают свои журналы, причем Мунира издает два: один на арабском, другой на французском языке. Журнал же Роза-ль-Юсеф, носящий ее имя, был закрыт премьером Мухаммадом Махмудом, против которого она допускала подчас очень жестокие, но справедливые карикатуры, когда им был распущен парламент летом 1928 г. Набавие Муса известна больше, как педагог-организатор. Она теперь состоит школьным инспектором в Каире, где ею организовано немало женских школ и где она сама учительствовала.

Немало женщин участвует и в художественной жизни Египта. Хотя египетский театр и очень молод, тем не менее он уже выдвинул многих деятелей. Укажем хотя бы на Муниру-ль-Махдие, Ум-Кульгум, Фатиму Рушди,

Фатхие Ахмад, Рагибу Ахмад и др. Некоторые из них, как Фатхие Ахмад, Мунира и Фатима состоят во главе организованных ими трупп. Даже в этом году Фатима Рушди ездила в Ирак на гастроли со своей труппой, где выступала также с лекциями о театре. В Ираке — это первый опыт. Что касается Сирии и Палестины, то египетские труппы нередкие гости.

В арабских странах очень обширна женская пресса. Издается много журналов, во главе которых стоят женщины. Журналы издаются не только на арабском, но и на европейских языках, по большей части на французском. Иногда в издании сотрудничают и мужчины, или же муж и жена, как напр. *مجلة الرجال والسيدات* — «Журнал мужчин и женщин», — издающийся известным романистом Никуля Хаддад и его женою Розой Хаддад, сестрой знаменитого писателя, покойного Фараха Антуана.

Насколько обширна женская пресса видно из того, что в Бейруте издается 7 женских журналов. В настоящей маленькой работе я не ставлю себе цели охарактеризовать женское движение полностью; для этого понадобилась бы большая работа. Я лишь упомянула в общих чертах о том движении, которое охватило арабские страны за последние полвека. Несомненно, что главный толчок прогрессу женского движения дали мировая война и оккупация. Арабы поняли, что без раскрепощения женщины нет свободы и прогресса. Но о полном раскрепощении еще не может быть речи. Чтоб уничтожить вековой гнет нужна настоящая революция, или хотя бы появление такого диктатора, как в Турции Мустафа Кемаль.

Понятно, что такое движение не могло не отразиться в литературе, отчасти в новелле. Новелла в современной арабской литературе начала развиваться и укрепляться лишь в двадцатом веке. Как и в других областях арабского возрождения, в возрождении литературы Египту принадлежит первое место. Здесь мы встречаем ряд новеллистов, как например, братья 'Убейд 'Бса и Шхате, братья Теймуры, отчасти Мухаммад Хайкаль и др. Египетские новеллисты касаются лишь жизни египтян. У некоторых из них, как напр., у Мухаммада Теймура была попытка писать свои произведения на египетском народном диалекте, что мы видим в его драматических произведениях. Однако от такой линии все же пришлось отказаться. Литературная традиция на отдельных арабских диалектах начиналась не раз, но не имела успеха. Это грозило уничтожением литературного языка, который до последнего времени является единственным выразителем национального единства, объединяющим всех арабов от Атлантического океана

до Индийского. За редкими исключениями все затрагиваемые вопросы женского быта имеют отношение ко всем арабским странам. Социальные условия, бесправие женщины, произвол мужчины в разводе и постоянный страх женщины перед этим произволом, стремление современной арабки построить свою семейную жизнь на взаимной любви, одиночество семейной женщины и последствия этого одиночества, смешанные браки, эксплуатация женщины и ее труда, эмиграция и женщина и наконец выступление женщины на политическую арену— вот те вопросы, которые затрагивает новелла, которая не могла стоять в стороне от общего движения. Мы видим, что некоторые новеллисты, как напр., братья 'Убейд посвятили всю свою литературную деятельность вопросам быта современной арабки. Читающая публика их встретила или холодно или враждебно, на что указывает в своем предисловии к сборнику ثريا 'Уба 'Убейд. Его рассказ احسان هانم — Ихсан Ханум — смело касается многих больших сторон жизни женщины и вскрывает все бытовые нарывы, а потому неудивительно, что женщины сочувственно отнеслись к этим рассказам и благодарили автора.¹ В своем кратком обзоре отражения быта женщины в новелле я принуждена довольствоваться, к сожалению, лишь теми сборниками, которые оказались мне доступны здесь, в Ленинграде, и то благодаря любезности И. Ю. Крачковского.

Вот проходит перед нами героиня Жубрана Жубрана² сирийская христианка Сальма. Ее сватает митрополит своему племяннику, человеку грубому и развратному. Сальма богата, но митрополит знает свою власть над паствой, знает что ее отец не посмеет ему отказать в его просьбе, хотя и знает о репутации жениха. Отец боится не только митрополита, он опасается в случае отказа за репутацию дочери.³ Однако Сальма ищет причину своего несчастья, своего угнетения не в людях. Она, возмущенная, обращается к богу со словами: «что сделала женщина, о боже, чтобы заслужить твой гнев? Какое преступление совершила, чтобы преследовал ее твой гнев навсегда? и т. д.»⁴ и в конце говорит: «ты связал мое настоящее

¹ Предисловие к сборнику ثريا مجموعة قصص مصرية تاليف عيسى عبيد مصر سنة 1327 стр. 7.

² Повесть 1912 سنة نيويورك جبران جبران المتكسرة لاجحة. Деятельность и творчество Жубрана см. «Арабская литература в Америке» И. Ю. Крачковского, Изв. ЛГУ, 1928 г.

³ لاجحة المتكسرة стр. 65

⁴ Там же, стр. 77

с душой юноши, которого я люблю, и с телом человека, которого я совсем не знаю, связал мои дни, помоги мне быть сильной в этой борьбе чтоб остаться честной до смерти... Да будет воля твоя...». Она настолько связана условностями и вековым рабством, что не помышляет о том, чтобы идти против течения, чтобы отвоевать свое счастье и жить с любимым человеком. Отец согласился и она подчиняется, хотя в этом ее гибель. Бесправна и героиня Мухаммада Хайкаля Зайнаб.¹ Повесть напечатана за несколько месяцев до начала мировой войны. В ней описывается крестьянская жизнь в Египте и работа на хлопковых полях. В этой повести две героини, горожанка и крестьянка. Несмотря на различие социального положения, обе сходны в одном — они бесправны. Зайнаб — крестьянка, выданная насильно замуж, страдает от любви и чахнет. Она старается полюбить мужа, помириться со своим положением, но не может. Ее терзает беспокойство мужа, который ее любит, его заботы. Она чувствует себя преступницей перед ним, но не в состоянии справиться с собой и умирает от чахотки. Зайнаб трезво смотрит на причину своего несчастья, она знает что виноваты родные, которые заставили ее выйти замуж насильно, и не ищет причины у сверхестественной силы, как Сальма. «Я скоро умру, и все из-за вас», говорит она своей матери. «Как я плакала и просила и говорила: не хочу за этого замуж, а ты отвечала, что всех девочек выдают отцы помимо их воли, а после становятся с мужьями, как мед... Спору нет — я с мужем как мед. Но скоро я умру и кончится все между нами. Завтра или после завтра умру, мама, но ты береги моих сестер, и когда будешь их выдавать замуж, не выдавай насильно».²

Вторая героиня автора горожанка. Она оплакивает свою свободу, ибо ей нельзя даже наслаждаться свободно природой. «Вошла моя прислуга сияющая, радостная, возвращаясь с чистого воздуха, из широких полей, и улыбаясь говорит: какой прелестный заход солнца был сегодня вечером», — пишет героиня 'Азиза. «Какое мне дело, девочка, до захода и восхода солнца. Мои родные думают, что меня удовлетворит разрисовка стен. О, справедливость неба. Да неужели только для этих наивных создан заход солнца, а не для нас...»³ В другом месте она пишет: «Неужели ты

¹ Повесть *زينب بفلم مصرى فلاح*. Хайкаль занимается больше публицистикой и сейчас состоит редактором газеты *السياسة*, органа партии либералов Египта.

² Стр. 413 *زينب*.

³ Там же, стр. 225.

думаешь, брат Ахмад, что мы, девочки, счастливы в этой старой тюрьме? Вы всегда считаете нас довольными, но богу известна вся горечь того горького существования, которое мы терпим поневоле. Мы к нему привыкаем понемногу, как привыкает больной к постели. Какая девушка не вспомнит последний день своей свободы без сожаления и замиранья сердца. Этот дорогой день, о котором я не вспоминаю без жалости. Тот последний час моей свободной благородной жизни, когда я прощалась с родственниками, чтоб вернуться отсюда, из деревни, в город, где нашла материю моей чадры готовой в ожидании. То черное платье, платье печали и отчаяния!»¹

Так жалуется современная арабская девушка на свое заточение. Она чувствует другую, недоступную ей жизнь, и горюет тихо, покорно. «Говорят, что здесь готовятся к моей свадьбе, не думая ни о том, желаю ли я этого брака, ни о том, что я тебя постоянно вспоминаю. Я уверена, что их желание исполнится, хочу ли я этого или нет».² Опять слышится то же бесправие, тот же произвол.

То же самое мы слышим и в рассказе 'Уса 'Убейд — Ихсан-Ханум. Рассказ написан в виде письма к подруге. «Ты не знаешь произвола и грубости господина дома, ибо твой отец умер, когда ты была маленькой и мать тебя избаловала, дала свободу. Но я из тех, которые воспитывались в послушании и наследственной покорности. Моя мать дрожит от страха перед отцом и его жестокостью. Она кушает, когда он кончает, не спит пока он не вернется домой. Он ее никогда не зовет деликатно, а всегда с презрением, как делают с незначительной прислугой, и когда хочет быть с ней любезен, зовет ее ханум — госпожей —, а она отвечает: эффенди или бей, или мой господин. Вот мой отец. Он похож на большинство наших мужчин, не знающих значения любви, того небесного огня, который очищает человечество от его грязи, и того твердого столба, на котором зиждется семья. Да, они этого не знают и думают, что женщина их вещь... Я его боялась и не любила, чтобы не сказать ненавидела. Могла ли я противиться воле такого человека, перед которым все дрожит? Если бы я посмела и высказалась открыто, он бы счел меня падшей, развратной и несомненно убил бы, ибо любовь в их понимании есть синоним низости и разврата...»³

¹ Там же, стр. 252.

² Там же, стр. 265.

³ احسان هانم مجموعة قصص مصرية عصرية تاليف عيسى عبيد, стр. 21.

Языком героини не одна тысяча арабских девушек жалуется на свое бесправное положение, на произвол и суровость главы семьи.

Известно также, что развод в мусульманской семье слишком легок, стоит мужчине сказать: «ты разведена», чтобы женщина оставила дом, мужа и детей. Как я упомянула выше, только в одном Египте арабка-мусульманка добилась вмешательства гражданского судьи в дело развода. В остальных же арабских областях все идет по старому. Женщина, находящаяся ежечасно под страхом развода, безусловно не может быть спокойной или счастливой. «В действительности та несчастная женщина не может быть женой и не может считать себя таковой, ибо она сегодня с мужем, а завтра станет чужой ему, сегодня она в доме, а завтра ее выгонят. Этот постоянный страх перед разводом уничтожает всякий след доверия и любви и воспитывает в ее душе постыдную и опасную готовность пользоваться каждым моментом, чтоб обеспечить свое будущее на случай развода. А потому она сдирает с мужа шкуру своими частыми сумасшедшими требованиями. Затем, что несет разведенная женщина своему новому мужу? Разве не больное, разбитое сердце, полное приобретенной от первого развода ненависти? Разве не живет она с ним, как чужая, в доме, из которого может быть выгнана каждую минуту?...». Так рассуждает Иҳсан Ханум у ‘Убейда, так рассуждает теперь каждая пробудившаяся арабка. Она возмущается своим таким бесправным положением, созданным разводом. Она хочет быть спокойной, уверенной в завтрашнем дне. Современная арабская девушка хочет любить и быть любимой. Она знает, что жизнь семьи должна строиться на взаимной любви, ибо развод, многоженство и все недостатки, точащие египетскую семью, происходят от отсутствия доверия и любви между супругами. Но как может возникнуть любовь между молодыми людьми, если условности запрещают им встречаться? И борьба против покрывала была лучшим орудием для возникновения здоровой арабской семьи. Отдаление молодежи друг от друга приводит и к другому злу. Оно приучает юношество к разврату, ибо кроме женщин легкого поведения они никого больше не встречают до женитьбы. После женитьбы они чаще всего возвращаются опять к прежней разгульной жизни, оставляя своих жен без внимания. Покинутые жены в последнее время тоже начали искать развлечений. И вот что мы узнаем от Шҳате ‘Убейд: «Единственное место, куда я ходил днем развлекаться— это дом мадам Ри Спрнз. Я ни кого из своих друзей не знакомил с этим местом, даже тебя. Я у нее

Выбирал ту женщину, которую хотел. Но чтобы ты понял мое молчание, ты должен знать, что эта мадам для виду имеет мастерскую дамских нарядов, а втайне занимается сводничеством. Она имеет большой дом, где женщины высшего класса стремятся заказывать свои наряды. Самая большая гордость у них — это одеть платье из мастерской этой женщины. Она знала как использовать свою известность и брала с них большую плату. Однако она не стеснялась назначить часть своего дома для свиданий. И не знаю, что ее на это толкало: любезность ли ее к клиенткам или она нашла, что шитье недостаточно выгодно. Таким образом она стала заниматься двумя ремеслами, чтоб поскорее разбогатеть и вернуться на родину».¹

Понятно, почему так холодно отнеслись к рассказам братьев 'Убейд. Им писали: «нам нужны невинные, идеальные образы, которые бы возбуждали в душе стремление к добродетели».²

В последнее время уделяется немало внимания смешанным бракам между мусульманами и христианами, с одной стороны, и между арабами и не арабами, с другой. По этому вопросу выступали известные египетские деятели недавно, как напр. Махмуд 'Азми — известный юрист, выступавший на страницах «Аль-Хияль», и Мансур Фехми, профессор египетского университета, на страницах «Ар-Рабитат аш-шаркият». Поводом к этому служат участвовавшие смешанные браки. Арабская молодежь, получающая образование в Европе, иногда по окончании образования привозит с собой жену-европейку, или же предпочитает жениться на христианке-арабке, ибо христианки получают лучшее образование и гораздо развитее своих соотечественниц мусульманок. Христианки же иногда идут за мусульман, соблазняясь их богатством. Родители-христиане вначале не мирятся с таким положением, часто дело кончалось тем, что родные убивали свою дочь, чтоб смыть позор с семьи. В рассказе *ثريا* дан такой случай смешанного брака. Но здесь героиня выходит замуж за мусульманина только потому, что он богат. Духовной связи, духовного родства, которые сближают последнее время разного вероисповедания молодежь, тут нет. Отец тоже суров. Он не убивает свою дочь, но все же не прощает ее на смертном одре.

¹ *درس مولف مجموعة قصص مصرصة عصرية تاليف شحاته عبيد*, стр. 27.

² Предисловие к сборнику *ثريا*, стр. 6.

Молодой новеллист Махмуд Теймур дает нам интересные типы эксплуатируемых женщин. Типы его взяты из среднего и бедного класса. В его рассказе *الاجرة* — «Плата», выведен тип женщины, которую муж сам толкал на разврат, чтоб иметь доход. Героиня выходит замуж в двенадцать лет и муж лепит из нее тот материал, какой ему нужен. «Сам муж ее в ее ранней молодости толкал по неправильному пути и своей рукой повел ее к ослушанию. Он ее подстрекал, даже приказывал пить вино и принимать наркотики; он ее уступал, как выгодную сделку, тому из своих друзей, кто ее желал, после простых торгов».¹ Немудрено, что такая женщина, оставшись вдовой, продолжает такой образ жизни, и не гнушается отдаться грубому, грязному извозчику, которому она задолжала, и этим заплатить свой долг.

Этот рассказ тоже вызвал много нападков со стороны критики и его называли *القصة الدائرة* — «развратный рассказ», как видно из критики и отзывов, приведенных автором в конце сборника *الشيخ السيد العبيط*.²

Героиня второго рассказа *الحاج شلبي*³ дает нам представление о совершенно другом виде эксплуатации женщины бедного класса — преступный тип мужчин эксплуатирующих жен своих, чтобы пожить в свое удовольствие. Это — жуткий вид эксплуатации. Мужчина держит ту жену, которая имеет детей, бездетную же через год-два выгоняет, как несоответствующую его дьявольским планам. Жену, имеющую ребенка, он отдает в богатые дома в кормилицы, получая за нее богатые подарки и хорошую плату. Собственного ребенка он морит отсутствием ухода. Женщина тут страдает и как мать и как человек. И когда она при смерти своего ребенка выражает свое горе и отчаяние, муж попросту колотит ее до смерти и выгоняет из дому, чтоб через неделю-две вновь жениться.

Современная новелла затронула и такой важный вопрос в быте арабки, как эмиграция. В рассказе *حكاية هيفاء الديرانية*⁴ — «История Хайфа

¹ Рассказ *الاجرة* в сборнике *تأليف محمود تيمور* الشيخ جمعه و قصص اخرى
стр. 27. الطبعة الثانية.

² الشيخ السيد العبيط و اقصيص اخرى محمود تيمور стр. 209.

³ *الحاج شلبي* напечатан в журнале аль-Хияль в апрельском номере 1927 г., стр. 718-728.

⁴ *النسمات بقلم سلمى صائغ جمع جرجى نقولا باز*, стр. 238-242. Бейрут, 1923 г.

из Дейра» — Сальма Саег дает нам образ такой арабки. Жизнь героини разбита не только социальными условностями, но и вероломством мужа. Он уезжает в Америку искать счастья, обещая прислать ей деньги на дорогу. Она в ожидании работает наемной прислугой, и, несмотря на тяжелую жизнь, живет надеждой на лучшее будущее, когда муж придет за ней. Но он в Америке давно обзавелся второй семьей и не думает о ней. Вопрос этот — большой вопрос в жизни арабки. Волна эмиграции в Сирии и Палестине захватывает все большие и большие массы населения. Если до войны убегали от турецкого притеснения, то после войны бегут гораздо больше от притеснения получивших мандаты государств. В большинстве случаев уезжают без семьи и забывают о ней. Нередко молодая женщина ждет мужа десятки лет. Бывает и наоборот. Араб обзаводится семьей в Америке, а потом бросает ее и приезжает к себе на родину, где женится снова. Характерно, что арабы не принимают во внимание брака с американкою и такому женатому открыта дорога в любой арабский дом. С таким явлением борется эмиграционная пресса в Америке, как приходилось читать в газете Абу-ль-Хауль-Сфинкс, редактором которой состоит известный писатель на сирийском народном диалекте Шукри Хури, издающий свою газету в Бразилии в Сан-Паоло.

И наконец новелла затронула и выход арабской женщины из стен своего дома на общественно-политическую арену. Дневник Хикмат Ханум дает нам живую картину того, как женщины-арабки принимали участие в демонстрациях в 1919 г. на улицах Каира; он показывает, как болезненно отнеслась она к изменам крупных египетских деятелей национальному делу; говорит о ее стремлении организовать женские общества, которые бы ставили себе целью террор по отношению к таким изменникам и т. д. Вот что пишет по этому поводу Хикмат Ханум: «11 апреля. Не знаю, почему сегодня мне вспомнилась прочитанная давно книга о нигилистах. Я много думала о той роли, которую исполняла русская женщина для получения свободы своей родины и о том, что она перетерпела на этом пути страдания в ссылке, тюрьма, болезни, холод и голод. Это возбудило в моей душе чувство жалости и любви, а затем и чувство восхищения перед жертвой. 14 апреля. Мое желание жертвы усиливается изо дня в день, как и моя любовь безграничная, служить родине. Думаю о том, чтобы основать партию из крайних направлений женщин и привлечь в нее таких, как мои подруги: Хурийе, Суад и Меҳаббат, чтобы они были силой

страшной для тех, кто преследует свои низкие корыстные цели, изменяя родине...».¹

И мы видим, что в Египте женщины уже вошли в политические партии и борются наравне с мужчинами за свободу своей родины.

К. Оде-Васильева.

17 XII 1929.

¹ احسان هانم مجموعة قصص مصرية عصرية تاليف عيسى عبد 1, стр. 87.